

ИЗЯСЛАВ ВИНТЕРМАН

⇒ВО⇒

«Евдокия»
Екатеринбург
2023

Изяслав Винтерман

ЭВОЭ. — Екатеринбург: «Евдокия», 2023. — 56 с.

— 500 экз.

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена без согласия издателя и/или автора.

© Изяслав Винтерман, текст

© Сергей Слепухин, Евдокия Слепухина, иллюстрации

© Мария Огаркова, Евдокия Слепухина, дизайн

ISBN 9798367121377

EVOE

by Isyaslav Winterman

Copyrights © 2023 by Isyaslav Winterman

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form or by any means, including information storage and retrieval systems, without permission in writing from the Publisher and/or the Author, except by a reviewer who may quote brief passages in a review.

© Isyaslav Winterman, text

© Sergey Slepukhin, Evdokia Slepukhina, illustrations

© Maria Ogarkova, Evdokia Slepukhina, book design

ISBN 9798367121377

e-mail: slava.winterman@gmail.com

<http://www.facebook.com/slava.winterman>

<https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Винтерман>

Eudokiya Publishing House

Ekaterinburg, Russia

eudokiya@gmail.com

⇒BO⇒

СОЖЖЁННЫЕ СТУПЕНИ

***

Через сожжённые ступени —
с подвала и до чердака,
где облаками вместо пены
кипит небесная река.

Войду в неё, слова глотая, —
отныне нецветная тень.
И солнца рыба золотая
скользит с глазами набекрень.

В ней воздуха пузырь затеплю —
пускай в нём бабочки живут...
А небо тоже пахнет степью —
сгоревшей, чёрной, как мазут.

Через сожжённые ступени —
прыжками — лестница легка.
Какой простор для исступленья —
разрушить замки-облака.

***

Соберите кровь и кожу,
сотворите нас любых:
с третьим глазом, непохожих,
одинаково слепых.

И под утро или вечер,
искривлённые, как тень,
грубой речью человеческой,
мы забьёмся между стен.

Пусть волной живого звука
чуть пониже живота
нас пронизывает мука,
что навеки изжита.

Или гибкою водою,
наклоняющейся к нам,
капель дикою ордою
лупит ливень по стенам.

***

Мы пространство выдираем с мясом,
мы ворует воздух у него.
Дышим эконом- и бизнес-классом
и несчастны через одного,

потому что всё несправедливо,
и случайно задом наперёд.
Вспыхнет красной лампочкой: счастливо!
Ни один несчастным не умрёт.

Пролетит свой путь, считая лёгким,
крылья для размаха отравив.
Будем жить! — Одним движеньем ловким
жизнь поймав и тут же отпустив.

***

Я забил в себя эту печаль,
вот и время пришло раскурить,
разжевать боль, которой молчал,
прежде чем ею стал говорить.

Я прописан уже навсегда
в исчезающем городе N.
Я без боли моей и стыда,
и не я, а по мне — в этот день.

Устыдятся другие, скорбя.
И по кругу раскурят рассвет.
Вот и время, которого нет,
наконец-то дошло до тебя.

***

Белые нити нечётки.
Сшитые белым дождём,
ватные дядьки и тётки —
тени, входящие в дом.

Стянуты в узел — не стыдно
на пол ложиться листвой.
Дальше неясно, не видно:
вместе ли, этот ли с той...

Комнат пустоты негулки,
свет навсегда приглушён.
Это ночные прогулки
недалеко нагишом.

Кожу, стесняясь, надели,
выйдя в оконный квадрат.
«Боже, куда же мы делись?..» —
тени себе говорят.

«Боже, откуда мы взялись,
здесь ли оборвана нить?..»
Кем мы при жизни назвались,
теми приходится быть.

Скрутится белая нитка,
сдавит спиральная вязь.
Вздвогнет окошка калитка,
штор возмущённая бязь.

***

Вот осени критические дни...
Сочувствую... Хватается за ветви.
Катящиеся яблочки бледны,
настолько не выдерживают бедствий.

Свет или дождь нас хлещет по губам,
колотится в глаза как будто в окна
и раздаёт повестки голубям:
летите прочь, земля насквозь промокла.

Так по воде нам путь держать на юг,
наперекор то времени, то ветру.
Мы делаем опять прощальный круг.
Как яблоки, раскачиваем ветку.

***

Человека стирают.
Раздают его вещи.
Отключают мобильный.
Квартиру сдают.
А почтовый ящик,
забитый спамом,
по-прежнему жив
в одном из штатов.

...Но доступа нет.
А если и есть —
кто будет рыться
в просроченных письмах,
уже ненужных,
с вирусами тоски,
не пожелтевших на тонкой бумаге,
вырванной из блокнота...

***

Мы бежим от себя, от тех,
кем хотели когда-то стать.
За плечами иняз, физтех,
но надежды на новый старт.

Собиратели дач, машин,
жён, детей от случайных жён.
Нет ни женщин и ни мужчин —
только те, кто горит и жжёт.

Может, я, как последний лжец,
говорящий, пока живой,
буду время живое жечь,
становясь то собой-тобой,

то собой — не тобой, солгав,
что огня мало нас согреть.
Небо — скомканная фольга
мягкой пачки от сигарет.

***

Сижу на спиленном суку,
для флага выбираю древко.
И небо в голубом соку,
и белый свет — как однодневка.

Вам будет в руки меч и флаг,
и бело-голубые дали.
Я с ветки упаду в овраг —
с обратной стороны медали.

И грек, сбежавший из варяг,
пилите, скажет, вот пила вам.
И в каждом друге вздрогнет враг,
не ссыте, молвив шепеляво.

***

В зеркало реки стучит листва.
Корчится рдеющая крона
в поисках ближайшего родства —
а оно то призрачно, то кровно.

Там ищите, где поля, сады, —
там, где на себя душа похожа,
а не здесь, где смыты все следы,
ветреные сны текут под кожей.

Мне листва в прожилках не видна,
крона, нависающая с тыла.
Пробежит по зеркалу волна —
оживляя всё, что в нём застыло.

***

В мире всё хорошо —
боль ещё не придумана,
не посещала сии края.
В парке скамейка белая,
трава говорящая,
ветра имя на языке у меня.
Ловишь покой, гармонию
бессловесной музыки дня —
самого первого,
непрерывного.
Можно
я в нём и останусь?..

***

И лёд, прижавший палую листву,
как лев лису;
и ветер, рассекающий ладонью,
бьёт по лицу
то больно, то легонько.

Мы не в лесу, здесь город или сад.
Сухой, всегда голодный листопад.
Толпа теней без головных уборов,
гадающая, рай здесь или ад,
всё повышая градус разговоров.

И этот ветер, что меня обжёт,
но с головы до пят — всё дым и смог;
и этот — что по мне впустую дует,
укутывая в лёд... давно во льду я.
И в кофе утром плавает снежок.

***

Между дыханием и стеклом —
пар.

Между дыханием за стеклом —
парк.

Запотевают стекло, проступают слова:
«Не уходи никуда, только — в никуда».

Трудно меня в объятья твои вернуть,
трудно тебя — как будто признать вину.
Трескается стекло —
не прочесть ничего.

Между словами и холодом —
смерть.

Между дыханием и немотой —
смерть.

Между любовью и тишиной —
смерть —
между тобою и мной...

Так почему же по-прежнему много
слов
между тобою и мною, так много
слёз
между дыханием и стеклом,
между дыханием и тобой...

***

Как скоро съеду
под землю,
в космос,
в конец тоннеля,
в игольный свет?..

Слегка стемнело,
и тени косо
ложатся вслед.

И виден выход,
но знаю — нет.
Всё станет хуже,
когда заметней
начнёт темнеть —

смотри по небу,
смотри по лужам,
смотри по мне.

***

Я вижу озеро и сад,
и город на пригорке,
и на меня их встречный взгляд —
то радостный, то горький.

Я вижу то же, что они,
и спереди, и сзади.
Но люди здесь не учтены,
как дождь и снегопады.

Спускаюсь или вверх иду,
где облака белее.
А сад всё гуще, и в саду
темнеют все аллеи.

И смотрят сверху фонари
на скучные скамейки.
Но город, точно царь горы
для облачной семейки,

не вспоминает спуск и скат.
На глубине подземной
я вижу озеро и сад,
и прочие знаменья.

***

Мир тот же, но иной.
Такой, но без забот.
И город со стеной,
но без семи ворот.

И смерть на выбор, на...
И жизнь на выбор не-
случайный, как стена,
за нею смерти нет.

Я тот же, но с другой.
Совсем другой — не я...
А этот, кто с тобой,
без шуток, без вранья,

идуший не туда,
живущий не затем,
как будто в никуда...
Ты всё-таки не с тем —

а он тобой любим —
хотя совсем не тот.
Он мог прийти любым,
но в этот хронотоп.

***

Хочется быть счастливым —
чур остальное. Наивно:
есть бог! — Синяя слива
неба навощена ливнем.

Старый стервозный облик
времени тру — не сотру.
Кто-то его соскоблит,
увидит всю красоту.

Увидит: рождались вместе
реальность катить бессонно
северо-западным — вместо
юго-восточного — склоном.

САН САНЫЧ (диптих)

1.

Сан Саныч не спит,
но никого не видит.
Всё, что он хочет взять, —
отражается в зеркале.
В зеркале взять невозможно.
Отраженье морщит,
сам Сан Саныч.

Что-то он всё же берёт,
достаёт из глубин.
Раньше не думал,
что там что-то есть,
и не пытался достать —
слишком на мелкие части
разбито.

2.

Сан Саныч не прост,
как обычный вывих,
он больше тянет на перелом.
Пространство в рост,
времени выверт —
всё под вопросом, как под углом.
Идёт наклонно, с диким поклоном
всем: господу, городу и — назло —
миру... Сан Саныч родился клоном
недоношенно-закалённым —
теперь в нём два метра и сто кило.
На голове мазут,
в сердце дёготь,
сердце оранжево в Хеллоуин
светится, но всё равно безнадёга:
праздник закончится — он один...

Не прост и не сложен
один Сан Саныч,
соединившись со светом звёзд
через какой-нибудь port и host,
сонно мучается, кем он станет,
тех ли собратями назовёт.

***

ХДС умер в субботу.
Три дня лежал
неопознанный в морге.
Бедный Хорхе Диего Сильва,
славный Хуан де Сантьяго.
Все эти дни оставался со мной.
Как ни в чём не бывало,
ходил, говорил
о любви, о стремительной жизни,
о тайном смысле.
Я отвечал.
Он привык, что я отвечаю.
Кто б догадался, что он уже умер,
целых три дня уже мёртв.
Когда опознали —
ХДС оказался
СДХ —
Серхом Даниловичем Хургиным.
Я его больше не вижу, не слышу —
он всё-таки умер.

***

Армии снега берут Берлин —
так мы и победим.
Сажу света и темноту белил
смажет в зеркале дым.

В паре незанятых деревень
благодаря снегам —
на мокром солнце в победный день
поставить капкан врагам.

Выдох на зеркала серебро
исчезающих слов:
«найден, взвешен» — наоборот —
«сброшен» с чаши весов.

Так и не знаю, кто победил:
бог-любовь, снег-злодей...
Чтоб сразиться честно один на один —
я своих приведу людей.

***

Чей знакомый запах сквозь слой окна:
пудры и ванили.
Это снег выманивает меня
крошками своими.

Он выманивает на цвет и вкус
загустевшей браги.
И стоит, шатается пьяный куст
на краю оврага.

Не мешаю жизни, она сама —
облака и ямы —
только время дам ей: зима, зима
упадёт за нами.

Подниму её, и надев опять
свитерок с оленем, —
помещусь в нём весь — с головы до пят —
подогнув колени.

***

Жизнь, и нас поцелуй с языком.
С крыши падает тело во двор.
И никто с ним уже не знаком,
не поддержит о нём разговор.

Он летел, как по розе ветров.
Всем запомнился... — Кодла ножищ
(он украл миллион у воров,
а не жалкую тысячу тыщ) —

выбивала его, как ковёр
(он плевал то на жизнь, то на смерть),
затопав всех оленей средь гор.
...Расходитесь, на что тут смотреть...

***

Часы «Полёт» берут меня в полёт.
Куда меня возьмут часы «Ракета»?
Я продал греку, грек их не поймёт.
Зачем он их купил, что скажешь, грека:
который час? — брось время на весы,
услышь биенье слева или сверху.
Надену командирские часы:
«Чтоб утром все явились на поверку
на острове волшебном, где в плену
историй, и со слов чужого моря,
что гонит винноцветную волну,
я повторю вам: дайте мне цикорий!»

***

Притуманиваю денёк.
Долину —
расчищаю для ног,
разделив на
сердцá
(стучат кулачками),
свет (толчками),
ранние звёзды —
птенцы,
из венца
камни —
в снегу позднем
найти как мне?..

***

Дождь безгранично гулок.
Путь ли последний долог.
Может быть, видом с горок
кажется город дорог.
Смотришь с тоской на горки —
вот бы подняться, вот бы...
Время ли в каплях горьких,
дождь безобразно громок,
и не слышать просьбы
из облаков колонок.
Просто стоять и мокнуть,
просто пройти немного...
Это ведь ноги могут,
это ведь могут ноги...

***

Из грохочущего трамвая
выйдут те, кто составят пары.
Пар небесного каравая —
там-парам —
затуманивает радость,
оставляя печаль на память,
охлаждающее пламя —
та-ра-да.

Не доехали до конечной.
Вышли те, эти дальше едут.
Никому я ни друг ни недруг,
конечно.
Дребезжанье замёрзших стёкол.
По замёрзшему эти строчки:
«Мы стоим.
Перебои с током...
(три точки)»

***

Прижмёт к губам ладонь,
губами тронет лоб
(огонь очнётся льдом,
он был вначале лёд)

одна из голых муз,
обёрнутая в воск.
Столкнёт меня во тьму,
как будто под откос.

Не прерывая связь,
не уменьшая ток.
Не спрашивая вас:
вы тот или не тот,

кто с нею кочевал,
кто взят был на измор...
Лёд тело линчевал,
я до смерти замёрз,

истратил весь огонь,
растапливая лёд,
на жаркую ладонь,
тавряющую лоб.

***

Вначале — мальчик на дорожке
песчаной
(он спустился с неба
и смотрит вверх
с мольбой печальной
на горы снега).

Берёт с земли
небес песчинку
в глаза и в руки.
Сквозь дымку
смотрит близоруко.

Он согревает горы снега
случайным взглядом.
Дом сердца — слева —
он заселяет снегопадом.

Лавиной воздуха седого —
ленивым стадом —
дом головы
в кольце садовом,
заросший садом.

И смотрит вверх,
как будто мимо,
приняв на веру.
Уносится прощальным дымом —
вслед ветру.

***

В зеркальном парке надо мной
гуляют мама с папой,
одетые по моде той —
в пальто и шляпах.

Мне нравится их ретро стиль
и строгость прежней моды.
Их взгляд, который не остыл
за прожитые годы.

Я отпускаю в небе парк,
следы, дорожки трещин,
одну из неразрывных пар
мужчин и женщин.

***

Этот ветер прочно засел в костях,
этот воздух плотно набит в словах —
шевеливший нежной рукой в кустах
или речью вязнувший на губах —

от реки, израненной в берегах,
от домов, сползающих прямо с круч.
Город — бог, поднявшийся на богах —
от столбов позорных и грязных куч.

Он диктует, что говорить о нём:
тупики, углы, номера домов,
то сливаясь с берегом за окном,
то врезаясь в ближний из всех холмов,

по которому я бы и сам взошёл,
по которому прежде спустился сам...
...Этот ветер — крови расправит шёлк,
этот воздух — жаром — сродни словам.

***

Без высокой цели — в чистом поле
раствориться, в радости живой.
Не гоняться за судьбою полой,
задубев, как лист перед травой,

перед морем с чувственным восходом,
небом пышным, вывалившим грудь.
Если были — только мимоходом,
что нашли, о том уже забудь.

Всё, что надо — в глубине заката
с новой начинается главы.
Что ж мы ветром унеслись куда-то
и назад вернулись без любви...

ВОСПОМИНАНИЯ ЗА ПРОШЛЫЙ ГОД

***

Ведёт дорога к чёрту на рога.
И головная боль на грани взрыва
преследует размытого врага
засушливого года и разлива.

Он спереди, он с тыла, он везде,
где я, и не испытывает жалость.
Приставив ночи сторожа к звезде,
собаку привязав, чтоб не сбежала.

И если не стоять, **то только вверх,**
но вверх как в никуда ведёт дорога.
А здесь, внизу, — жизнь лишь одна из вер,
и враг размыт, хоть и упёрся рогом.

***

Человек из грязи и из пыли,
человек из звёзд,
света, моря — по нему мы плыли —
провалились сквозь
землю, пальцы... Высыпались мимо,
схваченные в первый же момент.
Взмыли в небо семиглавым дымом,
не удались как эксперимент.
А потом, проросшие корнями,
не пускающими от земли родной, —
к господу взываем дикарями,
к яркой пыли звёздно-ледяной.

***

Помню во сне тяжёлом
ужас холодный, страх —
шедший гудящим полом,
и умирал во снах.

Падает жёлтым небо —
господи, горячо —
это огонь лишь — не бог
ведь что.

Помню: уже был изгнан
из сотен я и из тыс...
Слова для любви и жизни
ещё раз должны найтись.

***

Во сне я плакал, не лучший сон.
В нём все получалось сразу:
и жизнь, как быстрый любви прогон,
и смерть без мучений, сразу.

Но кто-то ласково так будил:
тряс, гладил, шептал такое...
Сквозь сон казалось, меня будил —
бог — лёгкой твоей рукою.

И жизнь кончалась наоборот
и начиналась снова.
Во сне смеялись глаза и рот —
беззвучно, многочасово.

***

Всегда такой и была...
Была королевой
во время нашего бунта
лет пятьдесят тому —
капризной, упрямой.
И сейчас — королева!
Не хочешь признаться
ни в чём,
оставляя себе правоту,
прощаясь легко,
расставаясь легко,
ещё легче —
совсем уходя от всех.

***

Въехать и выехать из страны,
сделать перезагрузку.
Пусть теперь снятся свои же сны
чутьочку не по-русски.

Кто б не переводил слова,
кто б не игрался с ними,
передавал их огонь едва,
делал совсем иными:

будто они из сырого мха,
из молока, что скисло...
Въехать и выехать — всё на «ха» —
на языке повисло.

В снах посылали меня легко
устно как до Писанья.
И не любили любого, кто
опровергал посланье.

***

Усугубляя всё так, что больно.
Во тьму невидимого квадрата
страна уходит всё глубже, больше —
до непростенья и невозврата.

Сжигая воздух в дыханье жёстком,
охрипнув от порохового дыма —
и небо, бывшее перекрёстком, —
тупик теперь имени... — к чёрту имя.

Но если время хоть что-то значит,
и мы без корысти к нему готовы.
Жить надо как-то совсем иначе,
а не умирать в нём снова и снова.

***

Дождю в английском фильме веришь,
злomu теченью угрюм-реки,
пустоши, где замаячил вереск,
будто с клюшками игроки.
Ружей за спинами их не видно,
видно, не правящий это класс,
а зловещий и неликвидный,
и простреленный между глаз.

***

Я и не думал, что сами, сами
встроятся звёзды в ночной проспект,
что затемняемыми частями,
светятся ярче — в обман, просвет;

Что с ёлок ссыплется столько света
мягкими горками на полу;
и кончик нити, что в нас продета,
звёздочкой чиркну и подпалю.

Не сомневался, что сами, сами —
вспышки, когда на душе темно.
Что не подсвеченными частями
мы отличаемся так давно.

***

Не вид из двадцатого века на двадцать... другой.
А из двадцать первого, наоборот, на двадцатый.
Пролив своё масло, Луна задрожит над рекой.
Без света душа покрывается тьмой волосатой.

Колблется время — частицы смывает волна.
И мир — есть война с перерывом на пару затяжек.
И чувствуешь, если способен на чувства, война —
не новая между иными людьми, а всё та же.

Меняется место, река без названья — дугой.
Две-три высоты, под которыми пали и встали...
И вид с небоскреба на пятиэтажки — другой.
Физически мы из воды, а морально из стали.

А, может, и — наоборот... Здесь какой у нас век? —
Где мятая роза — Луна, небо — чёрная вата.
Когда я увидел, как день начинается, свет,
что я не зажёг, — я себя признаю виноватым.

***

Не дай в себя прицелиться — беги,
как заяц
в стороны петляя.
Наматывай бесщётные круги,
не слыша треска сучьев, злого лая —
наматывай легко,
как делал раньше,
всегда...
Кругом леса, враги,
спасенье далеко,
но свет оранжев, —
и да —
туманит очумевшие глаза!
И мира вонь, и пороха частицы
в кружении земли...
Беги в леса,
срывая ось, под выкрики: пали́! —
который перекашивает лица.

***

Это нашествие сколотых дней,
снега и света полосок,
шрёдерной стружки, коротких теней,
лезущих под колёса.

Это зима — слишком долгая, друг, —
сколько уже я зимую?
Это сражаться со всем, что вокруг,
за красоту неземную,

не измельчая теней и судеб,
линий, плетущихся светом.
Пусть нас опять с высоты семи неб
судит воды крупа с ветром.

***

Так набросаны небесные холмы
и леса, озёра —
будто все давно уехали мы
без последних слёз и разговора.

Может, это ветер в вышине,
волны на глубинах
с опозданием в годы шепчут мне:
любишь — так люби нас

на прощанье.., а не то пойдёт
время во спасенье.
Словит ливень в сеть своих тенёт
небо с тенью.

Словит всех... Останемся вдвоём
в озере с холмами.
Бросив взгляд на небо, на подъём,
я бы охал: мама...

***

Свет медлен и отвисла тьма.
Моли — я гляну
рассыпанной земли костями.
Легли мы в глину.

Любовь твоя была близка,
но за стеною
ночного страха. Белизна
чувств костяная

перекрывает выход-вход
и — костью в горле.
Насколько бледен свет и худ
и не прогоркл?..

***

В темноту мы прибыли на бойню.
Каждый прихватил свою войну.
Боль одна другой сменялась болью,
а потом на общую – одну.

Мы её вначале закопали,
на слова меняя мир большой,
на шаланды полные кефали,
вечность — пусть приходит за душой.

Жаль, что беспокойна только внешне —
неба кровь сливается с земной.
И кричим во тьме своей кромешной,
темнотой пронизаны иной.

***

За три года мы всех помянули —
круглый стол за углы растянули
и накрыли собою убого —
от конца одного до другого.

Застелили травой в бурых пятнах,
небом рваным, в разрывах закатных.
Кровью высохшей с примесью йода —
на последних три года.

Ни в живых будто сами, ни в мёртвых —
тенью бледною, длинной, аморфной
подбираемся к самому краю...
...Помянут нас и не покарают.

***

Мир в трауре...
Красочный яблокопад —
через какой-нибудь жалкий месяц.
Семя, брошенное наугад, —
всходит.
И, не топчась на месте,
мир —
по выходным за стол,
будням — тоже смакует вести
о фронте, сместившемся лет на сто
и километров — на двести —
от стариков на лавках, от нас,
скачущих под песни разлуки
группы хэви-метал: «Спецназ» —
три гитары и две базуки.

***

Наконец-то холодная пятница.
Выхлоп неба души поперёк.
Ветер трезвенник, дерево пьяница —
пропускаю обоих вперёд.
Всё плывёт. Неустойчив во времени,
пол меняется на потолок...
Удержаться б локтями, коленями,
головой, зарытой в поток.
Но никак. Спилят души по осени
жарким ветром, нагретой пилой.
Воскресенья не будет, как посуху,
двину в небо с текущей землёй.

***

Мир не настолько хорош,
день не настолько.
Ты не плохиш, а Гаврош.
Лампой настольной —
светит Луна посреди
чёрного плёса.
Неба сгорают сады.
Пеплом белёсым
пересыпает нас всех —
в урну из урны,
как преждевременный снег,
кончивший дурно.
Мир не настолько хорош... —
(ох, осторожно) —
нас выжигает, но дрожь —
не невозможна.

